

ОТЗЫВ
официального оппонента
о диссертации
Евгении Владимировны Будённой
«Эволюция субъектной референции в языках балтийского ареала»
на соискание учёной степени кандидата филологических наук
по специальности 10.02.20 — сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

Механизмы референции и их взаимодействие с синтаксисом и морфологией относятся к наиболее фундаментальным аспектам устройства человеческого языка. Тем не менее, осознание их важности для лингвистической типологии и теории произошло лишь сравнительно недавно, поэтому неудивительно, что комплекс вопросов, связанных с синхронным и историческим изучением этих механизмов как в конкретных языках, так и в широкой сопоставительной перспективе, до последних десятилетий рассматривался в литературе весьма фрагментарно и лишь изредка становился центральным объектом анализа. Важной вехой в преодолении этого положения стала серия работ научного руководителя рецензируемой диссертации проф. А.А. Кибрика, в первую очередь его капитальная монография “Reference in Discourse” (Oxford University Press, 2011), сочетающая типологический, когнитивный и квантиitative подходы. В данном русле находится и диссертация Е.В. Будённой, что и определяет её **актуальность**.

Научная **новизна** диссертации Е.В. Будённой состоит в том, что в ней впервые ставится задача сопоставления референциальной системы русского языка с таковыми системами ряда географически близких языков (латышского, ижорского и водского) и поиска диахронических истоков их нетривиальных сходств. Выбор языков для сопоставления неслучаен — все четыре рассматриваемых языка демонстрируют типологически редкий тип референциальной системы, в котором морфологическое выражение субъектной референции с помощью глагольных аффиксов сочетается с высокочастотным, но не строго обязательным употреблением независимых субъектных местоимений. Выбор диссертанткой преимущественно диахронического взгляда на референциальные системы означенных языков в свою очередь обусловлен тем, что наблюдаемое на современном этапе состояние во всех этих языках является инновацией, детальное изучение эволюции которой и составляет основную задачу диссертации.

Теоретическая значимость диссертации Е.В. Будённой определяется в первую очередь объёмом проанализированного ею текстового материала русского, латышского, ижорского и водского языков на протяжении их письменной истории и полученными на основе этого результатами. В диссертации существенно уточняется картина эволюции стратегий субъектной референции в истории русского языка, демонстрируется стабильность латышской системы и валидность ряда старолатышских памятников в качестве источников для её изучения, доказывается роль контактов с русским языком в становлении референциальных систем малых прибалтийско-финских языков, высказываются гипотезы о соотношении внутренних и ареальных факторов в эволюции русской и латышской референциальных систем.

Диссертация состоит из Введения, пяти глав, Заключения, приложения, списка сокращений и библиографии. Введение включает постановку задачи работы, описание её целей, материала, используемых методов и структуры. Первая глава представляет собою общий обзор проблематики референции и средств её выражения, а также существующих подходов к ним. Не ограничиваясь близким научному руководителю функционально-когнитивным подходом, диссидентка подробно рассматривает и генеративистские теории субъектной референции, приходя к неожиданному, но не кажущемуся

несправедливым выводу о том, что непреодолимых противоречий между двумя подходами на самом деле меньше, чем может показаться на первый взгляд, и опирается на идеи обоих подходов в основной части работы.

Вторая глава, самая объёмная в диссертации, посвящена изучению эволюции субъектной референции в истории русского языка. На материале обширного корпуса памятников книжного, делового и бытового стилей Е.В. Будённая проводит количественный анализ двух основных процессов этой эволюции — во-первых, падения связок в клаузах в именным сказуемым и с формами перфекта, и, во-вторых, экспансии независимых субъектных личных местоимений. Диссидентка убедительно показывает, что оба эти процесса реализовывались по-разному и с различной скоростью в зависимости от типа текста, типа конструкции и значения лица. Наиболее важным результатом данной главы следует считать уточняющий гипотезы предшествующих исследователей вывод о том, что основным фактором в перестройке русской референциальной системы было падение связок в именных клаузах с субъектом 3 лица, аналогически распространившееся затем на остальные лица и на систему перфекта. Несмотря на то, что падение связки 3 лица в формах перфекта завершилось раньше, чем в именных клаузах (начало XII в. и первая половина XIV в. соответственно), количественные данные показывают, что распространение бессвязочных форм перфекта и экспансия местоимений в глагольных клаузах происходит именно во второй период. При этом Е.В. Будённая показывает, что по крайней мере в именных конструкциях в книжном стиле местоимения 1 и 2 лица стали частотно употребляться в субъектной позиции ещё до утраты связок, что опровергает гипотезу о том, что экспансия местоимений была лишь компенсаторным процессом, последовавшим за падением осуществлявших субъектную референцию связок. С методологической точки зрения интересен также вывод о том, что анализ книжных памятников, казалось бы, существенно отличающихся по исследуемому параметру от бытовых, позволяет проследить те же процессы, происходящие в более медленной скоростью, и потому в отдельных аспектах даже более наглядным образом.

В третьей главе представлен диахронический анализ системы субъектной референции в латышском языке на материале памятников раннелатышской письменности, литературы XIX в. и современных текстов. Диссидентка подробно обсуждает особенности раннелатышских текстов, по большей части переводных и написанных немцами, владевшими латышским как вторым языком, и выделяет те из них, которые правомерно трактовать как в значительной степени независимые от немецких образцов или немецкой интерференции. В результате количественного исследования Е.В. Будённая приходит к выводу о том, что уже в XVII в. в латышском установилась та смешанная система субъектной референции, которая наблюдается в современном языке. Сравнивая латышские переводные тексты с созданными в тот же период литовскими, диссидентка приходит ко вполне обоснованному выводу, что частотность субъектных местоимений в латышском не могла быть лишь результатом калькирования авторами немецких образцов. Интересны количественные наблюдения автора об асимметрии 1 и 2 vs. 3 лица при употреблении связки в конструкциях с именным сказуемым, а также о значимо более высокой частотности местоимений 3 лица в глагольных конструкциях. В конце главы Е.В. Будённая задаётся вопросом о том, не могла ли экспансия местоимений в латышском быть связана с редукцией выражения лица и числа в глаголе, и обращает внимание на единственную форму, где такая редукция действительно произошла — сослагательное наклонение. Впрочем, вывод о значимости сослагательного наклонения для распространения субъектных местоимений в латышском следовало бы подтвердить количественным диахроническим анализом употребления субъектных местоимений при данной форме, который в работе отсутствует.

В четвёртой главе обсуждается субъектная референция в двух малых финно-угорских языках — ижорском и водском, где, в отличие от прочих финно-угорских языков, также частотно используются субъектные местоимения наряду с глагольными аффиксами. В качестве источников по истории субъектной референции в этих двух языках автор использует наиболее ранние тексты на них, опубликованные в XIX в. Сравнение текстов разных периодов демонстрирует стабильность системы субъектной референции за исключением одного пункта — и в водском, и в ижорском существенно повысилась частотность использования местоимений 3 лица при формах прошедшего времени.

Пятая глава диссертации посвящена изучению вопроса о возможной роли языковых контактов в становлении систем субъектной референции рассматриваемых языков в свете концепции языковой сложности. Диссидентка подробно рассматривает исторические свидетельства о социолингвистической ситуации в области контактов русского и латышского языков с нижненемецким, а также прибалтийско-финских языков с русским, и приходит к выводу о том, что если в последнем случае влияние языковых контактов на перестройку референциальной системы практически неоспоримо, то в случае с немецко-русскими и немецко-латышскими контактами всё обстояло существенно сложнее. Несмотря на то, что на определённых территориях такие контакты имели место и могли быть довольно интенсивными, диссидентка осторожно и вполне справедливо заключает, что преувеличивать их роль в изменении референциальной системы по сравнению с детально изученными ею внутренними факторами было бы неправомерно.

В Заключении кратко излагаются основные выводы работы и описываются перспективы дальнейших исследований в этой области. В приложении приводится список анализируемых древнерусских и старорусских памятников (общей сложностью почти 60 текстов). Библиография содержит 276 позиций на русском, английском, исландском, латышском, немецком, польском, португальском, финском, французском, шведском и эстонском языках.

Диссертация Е.В. Будённой вне всякого сомнения является очень важной и интересной работой, вносящей существенный вклад в понимание исторических процессов эволюции субъектной референции и связанных с нею грамматических явлений. Впечатляет объём проработанного в диссертации материала, анализ которого — как качественный, так и количественный — представляется методологически корректным, наглядно представленным и вполне убедительным. Хорошее впечатление производит также филологическая квалификация автора, проявляющаяся во внимании к таким нередко игнорируемым лингвистами-теоретиками аспектам, как регистр и жанр древних памятников и необходимость учитывать особенности переводных текстов, равно как и внимание диссидентки к историко-социолингвистическим аспектам языковых ситуаций, без учёта которых невозможно сколько-нибудь серьёзно говорить о контактных влияниях. Многочисленные отдельные наблюдения автора, равно как и вырисовывающаяся в итоге общая картина эволюции субъектной референции в рассмотренных языках весьма интересны и представляют несомненную ценность.

Перейду к критическим замечаниям, которые, хотя и довольно многочисленны, имеют преимущественно частный характер и не влияют на общую высокую оценку работы. Во-первых, неудачно, что главы не имеют чётких заключений, суммирующих основные выводы. Во-вторых, отдельные формулировки кажутся мне не вполне корректными или даже неверными. Так, неточна характеристика функционалистского подхода в разделе 1.2, в частности, отождествление его с поиском типологических универсалий (особенно в свете пассажа на с. 45 о том, что «установка на универсальность» более свойственна генеративизму). Противопоставление 1 и 2 л. 3 л. восходит к структура-

лизму и в рамках функционализма было лишь переосмыслено — недаром это противопоставление, как ниже показывает сама диссертантка, играет не менее важную роль и в генеративных теориях. Непонятен следующий пассаж на с. 35: «К 1980-м гг., после отказа от первых лексикалистских утверждений стандартной теории» — ведь как раз в 1980-х гг. в Теории управления и связывания лексикализм восторжествовал, в то время как Стандартная теория «Аспектов теории синтаксиса» была по сути антилексикалистской. Некорректно проводить параллель между изменением позиции отрицания в древнерусском и «циклом Есперсена» (с. 71–72), поскольку основной механизм последнего — усиление отрицания дополнительным элементом с последующей редукцией старого отрицательного показателя — в истории русского языка не имел места, а гипотетический сценарий с двумя отрицаниями в примере (77) совершенно невероятен. Представляется довольно наивным и неверифицируемым предлагаемое на с. 96 объяснение предпочтения трёхчленной модели типа *я есть князь* в книжных памятниках как своего рода стилистического приёма. Некорректно говорить об «утрате связкой перфектного результативного значения» (с. 108) — связка сама по себе никогда этого значения и не имела, лишь выражая предикативные категории времени и лица при перфектном *l*-причастии. Тем более ошибочно приписывать связке «перфективное значение» на с. 113. При обсуждении латышского сослагательного наклонения на с. 154–157 стоило бы учесть литературу о не вполне тривиальном диахроническом развитии этих форм в балтийских языках, а приведённые в примере (174) на с. 155 формы «условного» (точнее: сослагательного) наклонения литовского языка ни в каком разумном смысле не относятся к «прошедшему времени». Следовало бы прокомментировать, почему на с. 20 в качестве представителя древних германских языков выбран древневерхненемецкий, а не готский, а на с. 54 при упоминании южнославянской эвиденциальности следовало бы учесть книгу М.М. Макарцева «Эвиденциальность в пространстве балканского текста» (М., 2014), где обсуждается вопрос об опущении связки в его совсем нетривиальной связи с маркированием эвиденциальности.

Неточно утверждение на с. 175, будто до 2010-х гг. не высказывалось обобщающих гипотез о причинах изменения языковой сложности — этот вопрос стал активно разрабатываться именно в первое десятилетие XXI в., а кроме того, идеи, высказанные П. Традгилом в книге 2011 г., восходят к его диалектологическим исследованием 1970–80-х гг. Более того, релевантность самой проблематики языковой сложности для темы диссертации остаётся не вполне очевидной. В свете этого весьма сомнительно высказанное на с. 180–181 предположение о том, что упрощение глагольной парадигмы сослагательного наклонения в латышском могло быть результатом контактов с нижненемецким языком, — для этого было бы необходимо, чтобы достаточное количество немцев выучили латышский, упростив его почему-то именно в этом аспекте, а затем данная инновация каким-то путём распространилась среди латышского населения; ни для того, ни для другого, как справедливо отмечает диссертантка, не было подходящих социолингвистических условий. Аналогичным образом не кажется обоснованным высказанное на с. 185–186 предположение о влиянии контактов с немецкими купцами на утрату связок в перфекте в древнерусском — исходя из структуры контактирующих языков в данном случае ожидалось бы скорее обратное, а именно, более длительное сохранение связки в русской речи немцев, в родном языке которых она была обязательна; теоретически возможное упрощение здесь могло бы состоять в выравнивании парадигмы связки, но не в полном её устранении.

В-третьих, серьёзным недостатком диссертации Е.В. Будённой мне представляется определённая небрежность стиля, нередко проявляющаяся в неаккуратных и не вполне корректных формулировках. Так, использовать термин «контактные языки» по отношению к русскому и латышскому на с. 4 не вполне корректно и малосодержатель-

но; древнерусские примеры в тексте работы даются в современной **графике**, а не **орфографии**, как утверждается в сн. 3 на с 4. Некорректно употребление термина «флексия» вместо «словоизменение» (ср. англ. *flexion* vs. *inflection*) на с. 38, равно как и термина «флективные языки» на с. 42 применительно к языкам с лично-числовыми аффиксами глаголов. На с. 43, 57 вместо общепринятых начиная по крайней мере с классического учебника Я.Г. Тестельца русских переводов генеративистских терминов *feature* и *checking* — «признак» и «проверка», автор изобретает зачем-то термины «черта» и «заполнение». Неточен буквальный перевод примера (157) на с. 140 как «латышский друг» — в данном случае генитив множественного числа следовало бы перевести буквально как «друг латышей». Перевод старолатышского *Skilltawa* в примере (170b) на с. 150 как «зажигалка» — явный анахронизм, корректным переводом является «огниво» (даже если в словаре современного языка такой перевод не даётся, автор диахронического исследования, работающий с древними текстами, должен чувствовать такие вещи). Нельзя говорить, что носители ижорского и водского языков «самым плотным образом контактировали с местным населением» (с. 172) — «местным населением» этих территорий были они сами, в то время как носители русского языка — колонизаторами. Водская грамматика Е.Б. Маркус и Ф.И. Рожанского впервые была издана в 2011 г., а не в 2017, как утверждается на с. 159.

Встречаются и совсем загадочные пассажи вроде «Основная установка данной работы заключается в детальном прослеживании языкового характера русской и балтийской референциальной перестройки» (с. 45) или «[интерес к местным языкам] распространится позже, в XVII в., после Реформации» (с. 127). Можно отметить довольно многочисленные небрежности стиля — перегруженные конструкции, повторы («При этом подходе исследования опираются на подход», с. 23), пропуски слов, варваризмы («кросс-языковой», «деэмфазис»), английские кальки вроде «всегда позволяют однозначную идентификацию [sic!] референта» на с. 44 (впрочем, такого рода употребление глагола *позволять* встречается теперь очень часто), пассажи вроде «вытекаемая из него более детальная классификация» (с. 61), «рост местоимений» (с. 111 и др.), «тенденция к опусканию местоимений» (вместо «опущению», 166–167), написание числительных вроде «3» или «4» цифрами, злоупотребление выражением «на (данный) момент» (иногда более одного раза в предложении и зачастую неуместно).

Латышский пример (18b) на с. 24 дан без глосс; вообще морфемное членение и глоссирование примеров не очень последовательно и в ряде случаев некорректно, как, например, в литовском примере на с. 22. Таблицы нередко разорваны, что иногда существенно осложняет их восприятие. Систематически смешиваются тире и дефис, встречаются точки после заголовков, непоследовательно (не)употребление буквы ё. К сожалению, многочисленны опечатки, в том числе в именах собственных, и ошибки согласования: «так же» вместо «также» (с. 12), «некоторах» (с. 19), «Givon» вместо «Givón» (с. 25 сн. 35, 36, 212), «в качестве основной причиной» (с. 26), «Szendrői» вместо «Szendrői» (с. 34), «Marranz» вместо «Maranz» (с. 40), «Sigurdðsson» вместо «Sigurðsson» (с. 41–42), «нулевого местоимение», «Anagnastopoulu» вместо «Anagnastopoulou», «Анагнастополу» вместо «Анагнастопулу» (с. 43), «идентификацию», «неозможна» (с. 44), «процессом, связанный» (с. 50), «в зависимости [от] жанров», «привлечения этих текстов этих данных в выборку» (с. 63), «Лихачев / Лихачёв» (с. 114), «причиной восточнославянской референциальной оказывается», «естоимением» (с. 118), «часть ... посвящен» (с. 125), «немецкого тексты» (с. 133), «местоменная» (с. 135), «самой главной отличием» (с. 140), «фактом окончанием экспансии местоимений» (с. 145), «соременным» (с. 156), «является» (с. 164), «респростирились» (с. 168), «верхновную» (с. 178), «социальным статусов» (с. 179), нет инициалов Е.Р. Скрайс в библиографическом описании её книги на с. 206.

Все высказанные замечания имеют частный и технический характер и ни в коей мере не влияют на мою высокую оценку диссертации Е.В. Будённой как оригинального и чрезвычайно ценного научного исследования. Автореферат и публикации отражают основное содержание диссертации.

Диссертация Е.В. Будённой «Эволюция субъектной референции в языках балтийского ареала», представленная на соискание ученой степени кандидата филологических наук, полностью отвечает требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям в соответствии с пунктами 9-14 «Положения о присуждении учёных степеней», утверждённого в новой редакции Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, и её автор Евгения Владимировна Будённая заслуживает присуждения ей искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

22 октября 2018 г.

Кандидат филологических наук
старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

П.М. Аркадьев

Сведения об оппоненте

Пётр Михайлович Аркадьев, кандидат филологических наук
(специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание)

alpgurev@gmail.com

129164 Москва, Маломосковская ул., д. 3 кв. 100

Тел. (495) 683-52-70

Сведения об организации

ФГБУН «Институт славяноведения РАН», Отдел типологии и сравнительного языкознания

119991 Москва, Ленинский проспект 32-А

Тел. (495) 938-17-80, факс (495) 938-00-96

<http://inslav.ru>

inslav@inslav.ru

Подпись П.М. Аркадьева удостоверена

ВЕРНО:

Заведующая кадрами

Лариса Муренова
"22" октября 2018г.